

Л.Я. Шнейберг, И.В. Кондаков

«Я люблю избранника свободы...»

<...> Восприятие революции и последующего развития отечественной истории ярко передает стихотворение Гумилева «Заблудившийся трамвай». Густой, зловещий трагический колорит нагнетается в нем с самого начала; чувство обреченности, гибельности начатого исторического пути пронизывает стихотворение до самого конца; судьба лирического героя накрепко связана с общей судьбой «заблудившегося трамвая», символизирующего роковую неизбежность совершающегося в России. Особенно трагичен дважды повторяемый рефрен:

Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

На этот трамвай лирический герой вскочил *на ходу, добровольно*, не обращая внимания на зловещие приметы: «вороний грай» и оставляемую в воздухе «при свете дня» «огненную дорожку»... Таково было и возвращение Гумилева в пореволюционную Россию.

Маршрут мистического трамвая явно лежит — через всю вселенную — в мир смерти: в окне промелькнул

Нищий старик,— конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

И воспоминания о невесте Машеньке перебиваются вопросом:

Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!

И хотя герой под конец стихотворения мысленно заказывает в Исакии, «твердыне православия», «молебен о здравье Машеньки» и панихиду по самому себе, ни у кого — ни у лирического героя, ни у автора, ни у читателей — нет уверенности в том, что заказанный молебен о Машеньке — не *тоже заупокойный*. Ведь город, по которому летит жуткий трамвай, не останавливающийся ни на минуту, при всей его узнаваемости: Медный всадник, Исакиевский собор, Нева (путающаяся с Нилом и Сеной) — это не родной Петербург-Петроград, а *мертвый город*, точнее — город, несущий смерть всему живому, какая-то человеческая бойня:

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленная,— знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

Что-то сомнительно, чтобы под этой кровавой вывеской, сооруженной над гильотиной, можно было увидеть

<...> вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.

Скользкий от крови ящик, наполненный отрубленными головам жертв, пожалуй, далек от индуистского мистицизма и изощренных духовных исканий Востока, да и обрегаемые во время путешествия на трамвае откровения души слишком пессимистичны, слишком похоронны:

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...

<...>

Понял теперь я: наша свобода —
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

<...>

И все ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...

Революция — это трамвай, заблудившийся в бездне времен, и потому обретенная свобода иллюзорна; собранный ею урожай плодов — «мертвые головы», от которых исходит трупный «дух»; из-за нее сердца — угрюмы, дыхание — трудно, жизнь — непрекращающаяся боль, любовь — тревожное и грустное воспоминание о том, как «вновь» не удастся увидеться с любимой, а вагоновожатый, не откликающийся на призывы, обращенные к нему, — не то палач, не то бесплотный призрак, глухой к просьбам об остановке. *«Поздно»*. — Так понимает ситуацию лирический герой Гумилева. Разогнавшаяся революция, представшая не «локомотивом истории», а тривиальным городским трамваем, в котором что-то сломалось, *сама не знает, куда ее несет*, в чем ее смысл и цель. У нее *нет тормозов*, ее вагоновожатые не отдают себе отчета в том, что трамвай *заблудился* во времени и пространстве, а потому они сами так же не властны над ним и его путем, как и пассажиры безумного транспорта.

Стихотворение Гумилева «Заблудившийся трамвай» положило начало поэтической традиции в русской литературе советской эпохи, воссоздающей символ роковой силы, несущей смерть. Таким предстает трамвай у Булгакова в романе «Мастер и Маргарита»: он несет смерть Берлиозу, предсказанную Воландом. В романе Пастернака «Доктор Живаго» герой умирает в тот момент, когда ему удастся вырваться из «злополучного» трамвайного вагона, на который «все время сыпались несчастья» (хотя толпа утверждает, что «его смерть не имеет никакого отношения к вагону»). Платоновский «усомнившийся» Макар едет в переполненном трамвае в «самый центр государства», где строится «вечный дом из железа, бетона, стали и светлого стекла», пока не попадает в конце концов в «безумный дом», где в дальнейшем ему и предстоит «бороться за ленинское и общенародное дело». Но, может быть, больше всего зловещих ассоциаций возникает с образом трамвая у Мандельштама.

<...> Так, стихотворение Мандельштама «Нет, не спрятаться мне от великой мурсы...» (1931) и тематически, и идейно, и образно сближается с гумилевским «Заблудившимся трамваем», только в отличие от вселенского масштаба у Гумилева (Сена — Нева — Нил; «Индия Духа» и т. п.) мандельштамовский трамвай ходит по замкнутому московскому кольцу, и безысходность такого маршрута чуть ли не страшнее, чем у Гумилева. Отсюда ощущение смерти негероической: пассивной, жертвенной, мученической, лишенной при этом каких-либо субъективных целей, смыслов, побуждений: «я не знаю, зачем я живу»; «ты как хочешь, а я не рискну!». Лирический герой Мандельштама не готов ни к каким решениям или поступкам: он ждет, как поступит с ним «страшная пора», он загадывает, «кто скорее умрет», путешествуя на заблудившемся в «великой муре» трамвае; он, подобно кровавой «вишенке», перекачивается внутри движущегося электрического монстра, пока «хватит тепла»... Впрочем, ведь и герой Гумилева проявил активность лишь в том, что вскочил на подножку *трамвая мертвецов* да призывал вагоновожатого «остановить вагон» — тщетно, конечно. Таким образом, гумилевский трамвай «задал» целую программу русской литературе в XX веке — тему роковой безысходной судьбы, запущенного механизма террора, губительного для мыслящей личности, тему несвободы движения по заданному и почти неуправляемому маршруту.

Если судить по стихотворению «Заблудившийся трамвай», представляющемуся во многих отношениях программным для позднего Гумилева, то приходит мысль: поэт знал, что возвращается в Советскую Россию с тем, чтобы в ней *погибнуть*, окунувшись в пучину революции и послереволюционных потрясений, чтобы разделить с родиной ее бедствия и страдания, но не для того, чтобы ее спасти от власти большевиков каким-либо героическим сверхусилием, участием в заговоре, в контрреволюционной борьбе или, например, сражением в рядах Белого движения против советской власти... Поэт возвращался в революционную Россию не для того, чтобы участвовать в революции или контрреволюции, но — чтобы противостоять *как поэт* и той и другой — жизненной мясорубке, недостойной поэтического осмысления. Характерны здесь шутивно-трагические стихи, поданные Гумилевым вместо «рапорта» по службе от 27 сентября 1917 года. Мысленно представляя себя перешедшим на службу в авиацию, поэт мечтает:

Мне будет сладко в вышине,
Там воздух чище и морозней,
Оттуда не увидать мне
Контрреволюционных козней...

В этом четверостишии лаконично сформулирован принцип поэтического «ухода» из политики, от социально-исторической реальности. В высокомерно-снисходительном отношении к политике Гумилев ведет себя как *эстет*, как представитель «чистого искусства».

Примерно то же отношение к реальности в «Заблудившемся трамвае»:

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний гай,
И звоны лютни, и дальние громы, —
Передо мною летел трамвай.

Потусторонний трамвай сопровождается и зловещим карканьем ворон, слетающих на мертвечину, и изысканным звоном средневекового струнного инструмента — символа куртуазности, и громом — отголоском природной или общественной грозы (всё — в одном контексте!). Все взаимоисключающие, контрастные образы нарочито сближены, соединены: «роща пальм» и мост через Неву; лавка мертвых голов и «Индия Духа»; палач «с лицом как вымя» и возлюбленная Машенька, «в своей светлице» поющая и ткающая ковер жениху; «люди и тени», неразличимые при входе «в зоологический сад планет», то есть на пороге вечности... Может быть, самое характерное здесь для Гумилева — это «билет в *Индию Духа*» посреди кровавого хаоса революции и гражданской войны; это способность даже в «бездне времен», даже в порыве «бури темной, крылатой» *так* любить и грустить» — по-человечески просто, безыскусственно, душевно.

<...>